

благополучие и успех, как элементы счастья, для немецких романтиков второстепенны. В этом проявляются предпосылки будущей переоценки содержимого концепта *Glück* в немецком языке.

Литература

Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.

Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. СПб., 2009.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

История западноевропейской литературы. XIX век: Германия, Австрия, Швейцария. Под ред. А. Г. Березиной. М., 2005.

Adelung J.Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. Bd.:2. 2.Ausg. Leipzig, 1796.

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1863. Bd. 8.

Küttner C.G. Neues und vollständiges deutsch-englisches Wörterbuch zu J.Ch. Adelung's englisch-deutschen Wörterbuche. Leipzig, 1805. Bd.1.

Oishi S. Concepts of Happiness Across Time and Cultures. University of Virginia, 2012.

Литературные источники

Adelbert von Chamisso. Peter Schlemihls wundersame Geschichte. Leipzig, 1837 <http://www.gutenberg.org/3/1/5/3/31538/>.

Е. Т. А. Hoffmann. Der Goldene Topf. Weimar, 1913. <http://www.gutenberg.org/dirs/1/7/3/6/17362>

Josef Freiherr von Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts. http://e-lingvo.net/library_download_1576.html.

Жолудева Л. И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ «ПРАВИЛО» В ПЕРВЫХ ГРАММАТИКАХ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

Первыми грамматиками итальянского языка в равной степени могут называться два сочинения: хронологически наиболее ранняя из дошедших до нас грамматик вольгаре - так называемая *Grammatichetta vaticana* Леона Баттисты Альберти, датируемая серединой XV в. (Patota 1996: XXXIII), - и первая опубликованная грамматика - *Regole*

grammaticali della volgar lingua Франческо Фортуньо (1516).

Первые грамматические описания итальянского языка появились на фоне полемики о том, каковы его свойства и возможности и может ли он в полной мере выполнять функции литературного языка. Италии, представлявшей собой на том этапе скорее культурное и географическое, чем политическое явление, был необходим литературный язык - пусть ограниченный функционально, но обладающий престижем и выразительными возможностями. Творчество великих флорентийцев XIV века фактически стало основой для новой культурной парадигмы; впервые после распада Римской империи в Италии были созданы тексты, популярность которых вышла не только за пределы региона, где они были созданы, но и далеко за пределы Апеннинского полуострова. Тот факт, что это были тексты на одном из диалектов Италии, а не на латыни, в конечном счете, станет решающим аргументом в пользу выбора именно флорентийского вольтгаре в качестве основы для общеитальянского литературного языка.

С середины XV в., когда был преодолен так называемый «кризис вольтгаре» (Migliorini 1963: 251-253), внимание итальянских гуманистов все больше стали привлекать проблемы языкового нормирования и кодификации. Однако в первую очередь необходимо было доказать, что у народного языка, вопреки популярному в Средние века представлению (Алисова 1960: 177-178), есть структура, есть «правила», то есть закономерности словоизменения, подобные тем, что описаны в латинских и греческих грамматиках. Эта задача, важная для развития европейской лингвистической мысли в эпоху Возрождения, так или иначе ставилась в грамматиках различных романских языков (Косарик 1994: 49-51), однако для Италии она приобретала особую остроту за счет особенностей языковой и культурной ситуации (Челышева 1996: 133-134).

Именно таким аргументом в спорах о языке стало сочинение Л.Б. Альберти, дошедшее до нас в единственном экземпляре; поскольку текст грамматики, хранящийся в Ватиканской библиотеке, не имеет авторского заглавия, он получил известность как “*Grammatichetta vaticana*”. Сочинение Альберти невелико по объему, что косвенным образом свидетельствует о том, что оно было задумано не как исчерпывающее описание морфологии флорентийского вольтгаре, а скорее как попытка продемонстрировать, что он обладает структурой и четкими закономерностями словоизменения. Как по этому поводу пишет Л.Г. Степанова, «очерк Альберти – это не столько справочное пособие по итальянскому языку, сколько аргумент в споре с гуманистами, признающими только древний латинский язык и неспособными разглядеть регулярный строй в новом народном языке» (Степанова 2000: 395).

Грамматика Франческо Фортуньо создавалась уже в ином культурном контексте; на смену апологии народного языка уже в начале XVI

в. приходит идея его обработки и нормализации, что во многом было связано с практической необходимостью: подготовка к печати текстов на вольгаре требовала хотя бы относительной нормализации письменного узуса (Лободанов 1998: 12-13). В качестве модели, на которую могли бы ориентироваться пишущие на литературном языке и редакторы, были выбраны тексты классиков флорентийской литературы. Гуманистическая привычка к внимательному чтению латинских классиков с целью научиться писать на «правильной» латыни теперь послужила гуманистам нового поколения для работы над народным языком. Как пишет Дж. Патота, «In fondo, questo “cercare è il lavoro quotidiano dell’umanista, dell’editore-scrittore che appunta glosse a margine del testo...; dar coesione alle note sparse, inserendole in una struttura che riproducesse l’ossatura del trattato grammaticale latino fu la buona idea del Fortunio”¹ (Patota 1993: 102).

Фортунио не успел реализовать все из задуманного; в 1516 году были опубликованы лишь две части грамматики, посвященные морфологии и орфографии соответственно. Название труда – «Regole grammaticali della volgar lingua» – указывает на то, что, как и Альберти, Фортунио не сомневался в наличии у народного языка правил словоизменения. Однако, в отличие от флорентийца Альберти, он опирается не на метод интроспекции, а на огромный массив примеров, приводимых тут же, в качестве иллюстрации к правилам. Это примеры из Данте, Петрарки и Боккаччо; характерно, что, в отличие от позднейших грамматистов, Фортунио не ограничивается опорой преимущественно на узус Петрарки и Боккаччо, его не смущает характерная для языка «Божественной комедии» полиморфия и архаичные черты (к примеру, формы множественного числа на *-a*).

Центральная для обеих рассматриваемых нами грамматик идея «правила» трактуется в них несхожим образом, что неудивительно, учитывая разнонаправленность этих сочинений. Грамматика Альберти не мыслилась автором как практическое руководство (не случайно она так долго оставалась неизвестной широкой публике), тогда как грамматика Фортунио, напротив, имела целью помочь пишущим на итальянском языке, причем, в первую очередь, тем из них, кто не был выходцем из Тосканы (отсюда, например, особое внимание Фортунио к передаче на письме геминат, упростившихся в диалектах Севера Италии). О том, насколько востребованным оказалось сочинение Фортунио, говорит само количество переизданий грамматики: только за XVI век она издавалась восемнадцать раз (Skytte 1990: 272).

¹ «На самом деле такие изыскания были ежедневным занятием гуманиста, издателя и писателя, который снабжает текст пометками на полях...; Фортунио пришла в голову счастливая идея объединить разрозненные замечания, структурировав их по образцу латинского грамматического трактата» (здесь и далее перевод мой – Л.Ж.).

Несовпадение трактовки понятия «правило» у Л.Б. Альберти и Ф. Фортуньо становится особенно очевидным при сопоставлении того, как в их грамматиках описываются наиболее «проблемные» участки итальянской грамматической системы – например, в системе имени это образование множественного числа, а в глагольной системе – образование форм сослагательного и условного наклонений.

Правило образования форм множественного числа в грамматике Альберти формулируется следующим образом:

*“A e nomi masculini l’ultima vocale si converte in i, e questo s’usa in tutti e casi plurali. A e nomi femminili l’ultima vocale si converte in e, e questo s’usa in ogni caso plurale per e femminini.”*¹

Альберти не углубляется в подробности, не упоминает многочисленные отклонения, исключения и варианты, встречающиеся в узусе. Наиболее важным для него было выделить основную закономерность, а описание частных отклонений он оставляет другим. Как он сам пишет в другом разделе грамматики, *“Sonci di queste regole forse altre eccezioni, ma per ora basti questo principio di tanta cosa. Chi che sia, a cui diletterà ornare la patria nostra, aggiungerà qui quello che ci manchi.”*²

Альберти считает нужным упомянуть лишь наиболее многочисленную группу слов, не подчиняющуюся описанному выше базовому правилу образования множественного числа: *“Alcuni nomi femminini in plurale non fanno in e: come, la mano fa le mani. E ogni nome femminino, quale in singolare finisca in e, fa in plurale in i: come la orazione, le orazioni; stagione, stagioni; confusioni, e simili”*³. Исключением в строгом смысле слова здесь можно назвать разве что пример *la mano – le mani*. Другие реликты латинских падежных форм, не подвергшиеся выравниванию по аналогии и составляющие исключение из правил образования множественного числа в итальянском, Альберти не упоминает, хотя в XV веке таких отклоняющихся форм в узусе было значительно больше, чем на современном этапе.

В грамматике Фортуньо аналогичные правила выглядят следующим образом:

¹ «У имен мужского рода последняя гласная меняется на *i*, и так имя выглядит во всех падежах во множественном числе. У имен женского рода последняя гласная меняется на *e*, и так выглядят все падежные формы женского рода».

² «Возможно, существуют и другие исключения из этих правил, но теперь пусть будет достаточно первоначального описания этого множества. Тот, кому будет угодно прославить наше отечество, добавит то, чего здесь не хватает».

³ «Некоторые слова женского рода во множественном числе оканчиваются не на *e*, так *la mano* становится *le mani*. И все имена, которые в единственном числе оканчиваются на *e*, во множественном оканчиваются на *i*, например: *la orazione, le orazioni; stagione, stagioni; confusioni* и другие».

Первое - «*li nomi, liquali in alcuna di queste vocali e overo o finiscono nel loro minor numero, in questa vocale i nel maggior saran terminati. ... E in tale norma si comprendono ancho quelli nomi, cui si preponga femminile articolo, come la mano, le mani.*»¹

И тут же Фортуннио переходит к исключениям:

“*Ma qui è da notare, che molte voci, lequali nel I numero in o finiscono, non solo in i come è sopradetto sono finienti nel secondo, ma alcune anco in a, et in e si trovano terminare, come per li sottonotati essempi apparira.*”²

Примеры исключений довольно многочисленны: *osso ossi – ossa – osse, membro membri – membre – membra, muro muri – mure – mura, vestigio vestigi – vestigie – vestigia, corno corni – corne, calcagno calcagni – calcagne, ciglio cigli – ciglia, castello castella – castelli, ginocchio ginocchia – ginocchie*. Каждое из исключений иллюстрируется примерами из образцовых текстов.

Фортуннио совершенно справедливо объясняет наличие множественного числа на *-a* тем, что соответствующие слова в латыни относились к среднему роду, однако исключения типа *sasso, regno, tormento* не позволяют ему придать этому наблюдению статус правила.

Второе правило, касающееся множественного числа, гласит:

“*li nomi nel numero primo in a terminati, nel secondo regolarmente in e fanno il finimento loro.*”³

Это правило также имеет свои исключения: “*sono alcuni nomi delli quali tutto che il minor numero finisca in a, il maggiore in i è terminante come poeta poeti, profeta profeti, geometra geometri, pianeta pianeti, et altri simili*”⁴.

Третье правило касается колебаний в образовании множественного числа: “*li nomi, liquali si ritrovano haver per finimento nel numero minore a et e, ponno in e, et in i terminare il maggiore, come nelli sotto notati essempi apparirà. Fronda, et fronde si legge nel singular numero, però fronde, et*

¹ «Имена, оканчивающиеся в единственном числе на гласные *e* или *o*, во множественном числе будут оканчиваться на *i*... Сюда включаются также те имена, которым предшествует артикль женского рода, как *la mano, le mani*».

² «Но здесь нужно заметить, что многие слова, которые в единственном (букв. «первом») числе оканчиваются на *o*, могут оканчиваться не только на *i*, как показано выше; некоторые из них оказываются еще и на *a* и на *e*, как видно из следующих примеров».

³ «Имена, оканчивающиеся в единственном числе на *a*, во множественном имеют регулярное окончание *e*».

⁴ «Есть некоторые имена, которые, хотя и оканчиваются в единственном числе на *a*, во множественном оканчиваются на *i*, как *poeta poeti, profeta profeti, geometra geometri, pianeta pianeti* и другие».

frondi nel plural si ritrova."¹

Четвертое правило объединяет два, на первый взгляд, не связанных между собой явления: это а) образование множественного числа у прилагательных на *-e* и б) колебания в оформлении по роду некоторых существительных:

*"li nomi adiettivi, il cui minor numero nella volgar lingua da questa vocale e sia terminato, rimarranno comuni all'uno e l'altro sesso, come, debile, grave, amante. Et alcuni nomi sostantivi sono di in certo genere, che ambi gli articoli, di maschio cioè et di femina, ricevono ... si legga, lo ampio aria et li tondo ethera."*²

Здесь мы видим пример того, как в невероятном разнообразии форм, характерном для языка, не прошедшего стадию нормализации, Фортунно пытается установить закономерности и найти сходства даже там, где их нет. Нейтрализация по роду у прилагательных на *-e* ни генетически, ни формально не соотносится с колебаниями в родовом оформлении слов типа *aria* или *ethera*.

Наконец, пятое правило формулируется так: *"molti nomi si trovano in se medesima significatione, et in variata voce de l'uno e l'altro sesso, come loda et lodo."*³

Примеры таких слов: *loda – lodo, dimanda – dimando, scritto – scritta, chioistro – chiostra, olivo – oliva, costume – costuma, bisogno – bisogna, calle – calla, buco – buca, candelo – candela*.

Как мы видим, в грамматике Альберти исключениям отводится минимальное место, а правило сформулировано максимально компактно. У Фортунно, напротив, исключения не подтверждают правила, а фактически имеют статус правил. Подобная толерантность к отклонениям от базовых правил словоизменения станет характерной для итальянской грамматической традиции (Patota 1993: 103), и дело здесь не только во влиянии подхода, выбранного автором первой опубликованной грамматики. Статус образцовых был придан текстам XIV века, в отсутствии образцовой устной формы этого же языка (даже живая разговорная речь Флоренции, которую не все из грамматистов считали достойной подра-

¹ «Имена, оканчивающиеся в единственном числе на *a* и *e*, во множественном оканчиваются на *e* и *i*, как в нижеуказанных примерах. *Fronda, fronde* читаем мы в единственном числе, но *fronde, frondi* находим во множественном».

² «Имена прилагательные, которые в единственном числе оканчиваются на гласную *e*, остаются одинаковыми в одном и в другом роде, как *debile, grave, amante*. А некоторые существительные, относящиеся к неопределенному роду, присоединяют артикли и мужского, и женского рода ... читаем мы «*lo ampio aria*» и «*li tondo ethera*».

³ «Многие имена в одном и том же значении встречаются и в одном, и в другом роде, как *loda* и *lodo*».

жания, успела претерпеть немалые изменения со времен Трех венцов). В этой ситуации оставалось, как писал Фортуньо, пытаться «следовать узу-су, а не злоупотреблениям авторов» (*“lo uso, e non lo abuso de gli auttori dobbiamo seguitare”*). Правила Фортуньо, по-видимому, были призваны помочь сориентироваться именно в этом отношении. Путем скрупулезного изучения рукописных текстов Данте, Петрарки и Боккаччо, он выделил то, что характеризуется большей частотностью, а потому может быть рекомендовано к использованию: *“non a’ quello che una volta o poche più, ma a quello, che frequentemente usino nel dire, deversi haver riguardo.”*¹

В том, что касается глагольной морфологии, особый интерес представляет то, как Альберти и Фортуньо подходят к описанию кондиционала - наклонения, отсутствовавшего в латыни, а потому не предусмотренного традиционной схемой грамматического описания.

Альберти описывает кондиционал так: *“certo modo subiettivo, in voce, non notato dai Latini; e parmi da nominarlo asseverativo”*². Далее в грамматике используется термин “assertivo”. Приводится парадигма кондиционала глагола *essere*, причем только в презенсе, аналитические формы отсутствуют. От современной парадигмы кондиционала *essere* отличаются две формы, приведенные у Альберти: первое и второе лицо множественного числа (*saremo, saresti*).

Что касается семантики и функционирования кондиционала, они практически не описаны (если не считать описанием сам термин “asseverativo”), а оба предложения, иллюстрирующие употребление данного наклонения, представляют собой условные периоды с кондиционалом в главном предложении и имперфектом конъюнктива в придаточном (как в современном итальянском).

В грамматике Фортуньо кондиционал не выделяется в особое наклонение. Первое правило в разделе «Глагол» фактически представляет собой парадигмы правильных и вспомогательных глаголов во всех временах и наклонениях; здесь формы кондиционала приводятся как варианты по отношению к имперфекту конъюнктива: *“ch’io fossi e fosse e sarei, tu fossi e saressi, colui fussi et saria o fora e sarebbe: noi fossimo e saressimo, voi foste e sareste, quelli fossero e sariano o sarebbono”*

Таким образом, в одну парадигму попали а) формы имперфекта конъюнктива, некоторые – в нескольких вариантах, б) формы тосканского кондиционала, восходящие к сочетанию основы инфинитива и перфекта глагола *habere*, в) формы кондиционала южного происхождения, восходящие к сочетанию основы инфинитива и имперфекта глагола

¹ «Нужно обращать внимание не на то, что используется [авторами] один или немного раз, а на то, что они часто используют в своей речи».

² «субъюнктив, не замеченный у латинян, который мне кажется [правильным] назвать утвердительным наклонением».

habere, г) так называемый кондиционал на *-ra*, восходящий к плюсквам-перфекту индикатива (также одна из черт, характерных для Юга Италии).

Фортунио практически не комментирует это многообразие (если не считать краткого замечания, что *fora* – это то же самое, что *sarei* или *saria*), а во втором правиле, кратком и полностью посвященном «имперфекту конъюнктива» (причем только единственного числа), говорится: *“la prima singular persona del preterito imperfetto tempo del modo soggiuntivo si della prima, come della seconda coniugazione finisce in ei, come amerei, leggerei. La seconda persona ha il finimento in sti, come, ameresti, leggeresti: la terza in ia, ovvero in ebbe è terminata sempre, come quello ameria, o amerebbe, leggeria, o leggerebbe.”*¹ Не вполне понятно, с чем связана такая фрагментарность описания; возможно, грамматист решил не дублировать полностью то, что уже было дано в форме парадигм в предшествующем правиле.

Как мы видим, для авторов первых грамматик итальянского языка понятие «правило» обладало не вполне одинаковым наполнением. Для Л.Б. Альберти правило – это необходимый атрибут языка, то, чем в одинаковой степени наделены итальянский и латынь (в этом смысле характерно, что Альберти приводит в качестве аналога латинских падежей итальянские предложные конструкции). Доказать наличие у вольгаре правил в ту эпоху означало придать ему статус полноценного средства не только устной, но и письменной коммуникации, ведь на протяжении веков считалось, что только латынь обладает структурой и неизменностью, способной обеспечить долгую жизнь литературному произведению или трактату.

Для Ф. Фортунио правило – руководство к действию. В его грамматике правила довольно сильно разнятся по объему, они то предельно детализированы (как в случае с формами множественного числа имен), то обрываются на полпути (как описание образования имперфекта конъюнктива). И тем не менее, грамматика имела успех, и немалый, а значит, образованным людям той поры было нужно именно такое руководство – одновременно дескриптивное и прескриптивное, следующее канону, но максимально свободное внутри его рамок, основанное на узусе авторов и одновременно свободное от их «злоупотреблений».

Возможно, на характере грамматик отразился и основной род занятий их авторов. Альберти, математик и архитектор, по-видимому, представлял себе грамматику как четкую и гармоничную структуру, как несущую конструкцию, обеспечивающую устойчивость и красоту целого;

¹ «Первое лицо единственного числа имперфектного прошедшего времени субъюнктива и в первом, и во втором склонении оканчивается на *ei*: *amerei, leggerei*. Второе лицо оканчивается на *sti*: *ameresti, leggeresti*. Третье лицо всегда оканчивается на *ia* или на *ebbe*: *quello ameria, или amerebbe, leggeria, или leggerebbe*».

Фортуньо, юрист по образованию, в полной мере обладал навыком пристального, скрупулезного чтения и сопоставления текстов, что позволило ему проделать огромную работу по описанию и систематизации узуса авторов.

В целом, можно отметить, что понимание правила, отраженное в грамматике Франческо Фортуньо, будет более характерным для итальянской грамматической традиции, чем понимание правила Леоном Баттистой Альберти. В условиях, когда литературный язык мог быть общим для всей Италии лишь в письменной форме, литературные образцы и ориентированные на них грамматики в большей степени соответствовали нуждам времени. В то же время, Л.Б. Альберти, ориентируясь на узус и, одновременно, проявляя избирательность в его отражении, создал грамматическое описание, где большинство форм и тенденций остаются актуальными и на современном этапе истории итальянского языка.

Литература

Алисова Т.Б. Особенности становления норм итальянского письменно-литературного языка в XVI в. // Труды института языкознания АН СССР 1960; т. X.

Косарик М.А. Значение эпохи Возрождения в становлении языкознания как самостоятельной науки. Ломоносовские чтения 1994. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Лободанов А.П. История ранней итальянской лексикографии. М.: МАЛПИ, 1998.

Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков. СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного института, 2000.

Чельшева И.И. Теория и практика процесса языкового нормирования в Италии XVI в. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996.

Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963.

Patota G. (a cura di) Leon Battista Alberti. *Grammatichetta* e altri scritti sul volgare. Roma: Salerno, 1996.

Patota G. I percorsi grammaticali. In.: Serianni L., Trifone P. (eds.) Storia della lingua italiana. Torino: Einaudi, 1993.

Skytte G. Dall'Alberti al Fornaciari. Formazione della grammatica italiana. Revue Romane 1990.